

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ТЕХНИКА ДЕТСКОГО АНАЛИЗА

Первая глава

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕТСКОГО АНАЛИЗА¹

Итоги психоанализа привели к новой психологии ребенка. Они показали нам, что уже в самом раннем возрасте ребенок ощущает сексуальные порывы влечений и страх, а также проходит через большие разочарования. Одновременно с верой в асексуальность ребенка пала также вера в «рай детства». Эти познания, полученные из психоанализов взрослых и прямых наблюдений за детьми, подтверждаются и дополняются анализами маленьких детей.

Теперь я подхожу к тому, чтобы с помощью примеров набросать картину раннедетской психики такой, с какой я познакомилась с ней в анализах маленьких детей. Моя пациентка *Rita*, которой в начале лечения было два года девять месяцев, до конца первого года жизни предпочитала мать, потом резко переключилась на отца, причем отчетливо распознавалась ревность к матери. Так, например, в возрасте пятнадцати месяцев она неоднократно требовала, чтобы ее оставили в комнате наедине с отцом и она могла, сидя у него на коленях, листать с ним книги.

В восемнадцать месяцев установка ребенка снова изменилась, и она снова стала предпочитать мать; одновременно появились *avor nocturnus*² и страх перед животными. Возникла сверх-

¹ Эта глава является расширенной версией моей работы «Психологические основы раннего анализа» (*Imago*. Bd. XII. 1926).

² [*avor nocturnus* (*лат.*) — ночной испуг.]

сильная фиксация на матери и ярко выраженное отклонение отца. С началом третьего года малышка становилась все более амбивалентной и сложной, из-за чего в два года девять месяцев ее отдали на психоаналитическое лечение. К этому времени существовал ярко выраженный невроз навязчивости с навязчивыми церемониалами, колебания между «сверхпопослушностью» с раскаянием и несдерживаемой «скверностью», дурные настроения, демонстрировавшие все признаки меланхолической депрессии, сильный страх, далекоидущее торможение в игре, полная неспособность выносить любого рода непредоставления, чрезмерная плаксивость — трудности, делавшие ребенка почти неподдающимся воспитанию¹.

Этот случай отчетливо доказал, что наступивший в возрасте восемнадцати месяцев *ravor nocturnus* являлся *невротической*

¹ До возраста неполных двух лет Рита делила спальню с родителями, и воздействия прасцены отчетливо проявились в анализе. Когда ей было два года, у нее родился братик. Это событие привело к полной вспышке невроза.

Анализ охватывал восемьдесят три часа лечения. Он не был окончен из-за переезда родителей за границу. В существенных пунктах он привел к благоприятному результату. Страх уменьшился, навязчивые церемониалы были устранены, депрессивные явления и тем самым также неспособность выносить непредоставления существенно сократились. Одновременно с достигнутым в ходе анализа уменьшением амбивалентности по отношению к матери и существенно улучшившимся отношением к отцу и брату трудности воспитания сократились до нормальной меры. У меня была возможность лично убедиться в стойкости результата через несколько лет после завершения анализа. Рита хорошо осуществила переход в возраст латентности и удовлетворительно развивалась как интеллектуально, так и в характере. Тем не менее при этой встрече у меня сложилось впечатление, что требовалось продолжение анализа, поскольку доля навязчиво-невротической диспозиции в образовании характера и в сущности Риты показалась мне очевидной. К этому нужно заметить, что мать Риты имеет сильный невроз навязчивости и с самого начала относилась к дочери крайне амбивалентно. Отношение матери к дочери, правда, решительно улучшилось благодаря достигнутым у ребенка благоприятным изменениям, но по-прежнему образует тяжелое отягощение для развития ребенка. Доведенный до конца анализ ребенка с продолжением роспуска навязчиво-невротических черт, без сомнений, дал бы более действенный противовес невротизирующему отягощению невротичной средой. Через семь лет после окончания лечения я узнала от матери, что Рита и дальше хорошо развивается.

*переработкой эдипова конфликта*¹. Приступы страха и ярости у Риты, оказавшиеся повторением *rauco nocturnus*, а также прочие ее трудности находились в теснейшем соединении с сильными ранними чувствами вины, вышедшими из эдипова конфликта.

На содержании и основе этих ранних чувств вины я хочу остановиться, используя другой пример. Труде², три года девять месяцев, в часе анализа неоднократно играла в ночь. Мы обе должны были спать. Потом она тихо подходила ко мне из другого угла, обозначенного ею как ее комната, и различным образом угрожала мне. Она хотела перерезать мне горло, выбросить меня во двор, сжечь, отвести в полицию. Она пыталась связывать мне руки и ноги, снимала с шезлонга покрывало и объясняла, что делает «попа-кака-гляделки». Оказалось, что она хотела поискать в попе матери «каки» (стул), изображающие для нее детей. В другой раз она хотела ударить меня по животу и утверждала, что достает из него а-а (стул) и разоряет меня. Потом она сдергивала подушки (неоднократно обозначенные как дети) и пряталась с ними в диванной нише, где с живыми проявлениями страха сжималась в комок, укрывалась, посасывала и мочилась. Вся эта ситуация происходила снова и снова после нападений на меня. Но во всех частностях поведения она была такой же, как та, которую Труде на втором году жизни изображала в постели, когда у нее начинался очень сильный *rauco nocturnus*. Тогда она ночью снова и снова забегала в спальню родителей, но не могла сказать, что ей там было нужно. Анализ показал, что мочеиспускание и пачкание означали нападения на родителей в коитусе, и тем самым устранил эти симптомы. Труде хотела похитить детей у беременной матери, убить мать и занять ее место в коитусе с отцом. Когда у нее родилась сестра, ей было два года. Эти тенденции к ненависти и агрессии были причиной усилившейся на втором году жизни фиксации на матери. Они также были основной тяжелой страхи и чувств вины, проявившихся помимо прочего в *rauco nocturnus*. *Ранние чувства вины и страх* маленького ребен-

¹ Свое допущение, что в этих порывах уже проявляются ранние стадии эдипова конфликта, я подробнее обосную в гл. VIII настоящей книги.

² В этом случае и во всех последующих я привожу возраст ребенка на начало анализа.

ка соответственно этому имеют причину в *сопутствующих эдипову конфликту агрессивных тенденциях*¹.

В то время, когда эти явления так отчетливо проступали в анализе, почти перед каждым часом анализа Туде причиняла себе физическую боль. Оказалось, что предметы, которыми она делала себе больно: стол, шкаф, печь и т. д., соответственно примитивной детской идентификации означали для нее мать, иногда также отца, которые ее наказывают².

Рита, из случая которой я исходила в моих рассуждениях, уже на втором году жизни обращала на себя внимание окружения раскаянием после каждого даже сколь угодно мелкого проступка и сверхчувствительностью к порицанию. Так, например, ребенок разразился слезами, когда отец в шутку пригрозил медведю в книжке с картинками. При этом определяющим для ее идентификации с медведем был страх перед порицанием со стороны реального отца. Ее торможение в игре исходило из чувства вины. Уже в два года с четвертью она неоднократно заявляла при игре в куклы — которая также доставляла ей мало радости, — что она не мать кукленку. Анализ показал, что ей нельзя было играть

¹ Трактовку, что тенденции к ненависти и агрессии образуют глубочайшую причину и основание для сопутствующих эдипову конфликту чувств вины, я отстаивала и доказывала уже в лежащей в основе данной главы одноименной работе (*Imago*. Bd. XII. 1926) и с тех пор еще в нескольких работах. В моем докладе, прочитанном на Международном психоаналитическом конгрессе в Оксфорде (июль 1929 года) «Значение образования символов для развития Я», я пришла в этом пункте к расширенной формулировке. Там я говорила: «Защита против либидинозных порывов влечений проступала только на более поздних стадиях эдипова конфликта, на ранних стадиях эдипова конфликта она обращается против деструктивных влечений, сплавленных с либидинозными порывами влечений». Эта формулировка, на мой взгляд, в некоторых пунктах совпадает с итогами, записанными Фрейдом в его самой новой книге «Недовольство в культуре». Там он пишет (S. 124): «Но тогда в чувство вины преобразуется все же лишь агрессия, при этом она подавляется и приписывается Сверх-Я. Я убежден, что мы сможем изобразить процессы проще и прозрачнее, если ограничим обнаружение психоанализа о выведении чувств вины агрессивными влечениями». Кроме того (S. 125): «Теперь легко сформулировать положение: если порыв влечения подлежит вытеснению, то его либидинозные доли переводятся в симптомы, его агрессивные компоненты — в чувство вины».

² Я обнаружила, что плаксивость и склонность падать и делать себе больно, особенно частая у маленьких детей, происходит из чувств вины.

в мать, потому что кукленок помимо прочего означал для нее братика, которого она хотела похитить у матери еще во время беременности. *Запрет на желание иметь ребенка*, однако, исходил не от *реальной матери*, а от *интроецированной*, которая воздействовала в ней более строго и жестоко, чем это когда-либо имело место со стороны реальной матери. Навязчиво-невротическим симптомом, развитым Ритой также с двухлетнего возраста, был отнимающий много времени церемониал сна. Его ядро заключалось в том, что она просила туго закутать ее в одеяло, иначе она якобы стала бы «мышью» или «карапузом», приходящим через окно, чтобы откусить ее карапуза¹. Кукла тоже всегда укутывалась равным образом. Эта игра точно так же, как ее собственный постоянно достраивающийся церемониал сна, занимала все больше времени и проводилась со всеми приметамии господствующей над ней навязчивости. Однажды в часе анализа она поставила возле кукольной кровати слона. Он должен был помешать кукленку встать, потому что иначе тот тихо пошел бы в спальню родителей и «что-то им сделал или что-то у них отнял бы». Слон (отцовское имаго) должен был взять на себя препятствующую роль интроецированных родителей, возражение которых последствовало в ней еще из того времени, когда в возрасте между годом с четвертью и двумя годами она хотела занять место матери возле отца, похитить у беременной матери ребенка, ранить и кастрировать родителей. Но тем самым прояснился и смысл *церемониала сна*: укутывание в одеяло должно было *препятствовать* Рите во вставании и в осуществлении *агрессивных тенденций*, направленных *против родителей*. Но поскольку в качестве наказания за эти порывы она также ожидала аналогичных нападений со стороны родителей, целью тугого укутывания в одеяло было также предохранение от нападений. Так, к примеру, она опасалась, что «карапуз» — отцовский пенис — откусит ее «карапуза» в наказание за ее желания кастрации по отношению к отцу и повредит ей гениталии.

¹ Кастрационный комплекс Риты проявлялся в ряде невротических симптомов и в развитии ее характера. Ее игры тоже отчетливо демонстрировали сильную идентификацию с отцом и происходящий из кастрационного комплекса страх оказаться несостоятельной в мужской роли.